

Сергей Русаков

Инженер новогодней магии

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Русаков

Инженер новогодней магии

«Автор»

2025

Русаков С. А.

Инженер новогодней магии / С. А. Русаков — «Автор», 2025

Инженер по технике безопасности Московской фабрики ёлочных игрушек готовится к Новому году, чтобы обычное декабрьское планетарное сгущение неприятностей не обернулось авариями, пожарами и несчастными случаями. При обходе заводоуправления он находит в подвале тайную комнату, из которой можно перемещаться в параллельную реальность, оставаться невидимым и воздействовать на людей, на руководство и работников фабрики. Приключение за приключением инженер спасает людей и сдерживает опасных персонажей. Под маской новогодней сказки раскрыты психологические аспекты управления людьми, тайна личности человека и типажи людей, природа конфликтов и карьерного соперничества, секреты гормонального влияния на поведение и любовь, красной нитью проведены высокая мораль и чистая красота человека. Расчет на познавательность сказки в том, что ее написал профессор Президентской Академии для студентов и выпускников.

© Русаков С. А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1-я, в которой на фоне предновогоднего обострения появляется главный герой, занятый обычным делом спасения мира от катаклизмов	5
Глава 2-я, в которой на основе необычной природы человека наш герой показывает образцы мощной магии страха	8
Глава 3-я, в которой упомянут еще один герой и дан старт противопожарной магии	10
Глава 4-я, в которой наш герой ведет подготовку к операции, пробуждающей в людях древний страх	13
Глава 5-я, в которой перед главным героем открывается удивительный мир, и сначала это пугает его	15
Глава 6-я, в которой составляется список вредных людей и начинается охота на них во имя преодоления беспокойного предновогоднего периода	18
Глава 7-я, в которой вскрываются новые обстоятельства вновь открытого нового мира и становится понятно, что не все видят друг друга	21
Глава 8-я, в которой выводятся контуры вредных для организации неформальных групп и силой мысли разбиваются водочные бутылки	24
Глава 9-я, в которой главный герой создает зомби, а также раскрывается сокровенная правда о карьеристах	28
Глава 10-я, в которой за тайной автомобильных пробок скрывается тайна пресловутого духа коллектива и главный герой узнает о силе коллективного духа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Русаков

Инженер новогодней магии

Полезнее пройти путь жизни, чем всю вселенную!
Козьма Прутков

Глава 1-я, в которой на фоне предновогоднего обострения появляется главный герой, занятый обычным делом спасения мира от катаклизмов

Первое декабря. Первый день последнего месяца года. Всякое первое – это всегда особенное. Первый крик новорожденного, первые шаги ребенка, первый раз в первый класс... Магия начала. Стоит только сделать что-то не так в самом начале, и вся последующая жизнь покатится совсем не по той дорожке, которую задумала Судьба.

Однако даже если все начиналось, как надо, на жизненном пути поджидает еще одна опасность – Случай. Сколько судеб перевернул, искалечил или, наоборот, возвеличил случай! Орел и решка ежесекундно меняют направление нашего движения. Мы не замечаем. Нам нужно двигаться ... к концу.

Конец же, как это ни странно для многих, тоже дело не простое. Посудите: ошибка в начале и случайные ошибки по ходу приводят к совершенно разному завершению. Это только кажется, что конец у всех один. Вовсе нет! Старая, люди все более думают о том, каким мог быть их конец, если бы ...

Каждый раз каждый новый год начинается по-разному, хотя и традиционно – с новогоднего застолья. Каждый год скачет, подобно мячику, туда-сюда от случая к случаю. Каждый год завершается одним мистическим явлением, что замечают многие, вжимая голову в плечи и гадая, какая еще неприятность случится до конца года – авария, катастрофа, катаклизм...

И действительно, в конце каждого года, неприятности, словно, сгущаются, сбиваются в кучу, будто, не успев случиться за год, наверстывают упущенное. Это очень похоже на план, который предприятие спешит выполнить любой ценой к концу года, чтобы начальство не получило по шапке, а рабочие получили премии.

Причин тому сразу три. Во-первых, большие сообщества людей живут буквально, как живые существа, и часто шалят, как дети, не имея, к тому же, хоть сколько-то ума, чтобы отвечать за свои поступки. Во-вторых, большие сообщества людей порождают большое количество самых разных бестелесных существ, которых зовут и духами, и полтергейстами, и зубными феями, и домовыми, и лешими, и всякой прочей нечистой силой, сила которых усиливается сезонами. В-третьих, и это самая неприятная причина...

Люди. Люди обладают способностью влиять на материальный мир своими мыслями. Каждый по-разному. Кто-то по чуть-чуть, источая зависть к соседу, вызывает гудение у труб. Кто-то в порыве гнева провоцирует короткое замыкание в домашней электропроводке. Если мысли множества людей совпадают, то их влияние суммируется, умножается и возводится в степени, приводя к глобальным разрушениям. Странно, но люди редко думают вместе и одинаково о чем-то хорошем.

Каждый год в конце года мысли людей объединяются в едином порыве в ожидании мировых катастроф, и это происходит. Люди и не подозревают о том, что причинно-следственная

связь здесь совсем иная, наоборот – сначала люди ждут катастроф, а уж затем катастрофы случаются. По воле людей.

Первого декабря стартует особый период в жизни людей, человечества и Степана Андреевича Рузанова. Сегодня он начинает особую борьбу с авариями, катастрофами и разрушениями последнего месяца года. И так каждый год.

Вот почему он, остановившись в сотне шагов от проходной, с любовью, заботой и тревогой оглядывает ожидающее его поле боя – Московскую фабрику елочных игрушек (МосФЕИ), где он работает инженером по технике безопасности. Степан Андреевич переводит взгляд, скользая по забору, крышам цехов, воротам и что-то бормочет.

Остановившись перед проходной, он долго вытирает ноги о металлическую решетку, оглядывается, достает из правого кармана пальто какой-то флакон и выливает его содержимое под ноги. Из левого кармана он достает какой-то пакетик, разворачивает его и ссыпает под решетку новенькие швейные иглы. Битва началась!

Степан Андреевич, и это дело его чести, а может, и даже всей жизни, с каждым годом неуклонно снижает статистику травматизма на предприятии, и каждый год в конце года он заступает на вахту безопасности, чтобы не дать упомянутому эффекту сгущения неприятностей никаких разрушительных шансов, именуемых рисками.

А бояться есть чего. Предприятие старое, основанное еще до революции, значит, как система, имеет высокий градус системных свойств. С одной стороны, это хорошо, потому что системы в возрасте сами пекутся о своем самосохранении. С другой же стороны, это плохо, поскольку в системах с историей возникает то, что почти точно называют духом коллектива, а вот он может к концу года расшалиться, поддавшись настроениям своих носителей – персонала.

Особую опасность представляют отдельные особо опасные люди. Завпроизводством Кирилл Карташов – круто замешанный карьерист – опасен и своим неумным стремлением выдать на гора результат, чтобы наступить на него, как на ступеньку в своей карьерной лестнице, и тем, что видит в инженеру по технике безопасности злейшего врага результативности.

В айти отделе уже год как обосновался вернувшийся с Гоа Христофор – растущая личность. Он все еще в дрэдах и деревянных бусах. Ему прощают за талант. В бухгалтерии страдает разведенка Эльвира, высокая энергетика которой способна воспламенить бумагу в мусорном ведре. Три зама генерального, сплетающиеся в замысловатые клубки против своего шефа, интригами выводящие из коллективного равновесия. Тихий колдун завскладом Сан Саныч, приворовывающий и списывающий остатки, чья забота о подарках для внуков может нарушить материально-технический баланс. И много всяких и разных еще...

И отдельной статьёй – духи. Предприятие старое, в пыльных закоулках скрываются цеховые, складские, офисные, столовские, вентиляционные, душевые, электрощитовые и прочие, на манер домовых. Их сезонная активизация необъяснима, но существует. Последняя была на хэллоуин, и «подопечные» Степан Андреевичу духи показали свою прыть – прорвало трубу отопления.

Люди, вернее, знающие люди, давно знают о сезонных обострениях нечистой силы и приспособились гасить это безобразие на самом корню. Так, ночное беснование хэллоуина безжалостно давится на следующее утро Днем Всех Святых. Предстоящее обострение конца года сочтено специалистами мистической силы настолько опасным, что гасится, ни много ни мало, Рождеством.

Вот потому, совершая свой обход своего предприятия против часовой стрелки (известно, что духи следуют за людьми, как шлейф, а люди привыкли жить по часам), Степан Андреевич любовно оглаживает огнетушители, не забывая при этом потихоньку смачивать в кармане ладонь об губку со святой водой. Оглядевшись, чтобы никто не видел, поджигает арома-

тические палочки на манер индийских, только самодельные из ладана, чтобы окурить злчные места.

Степан Андреевич втыкает в косяки каждой из дверей свежие швейные иголки. Он все время что-то бормочет – то специальные молитвы, то древние заговоры. В длинных коридорах, где феншуй разгоняет злые энергии до непозволительных скоростей, он, встав по оси, осеняет пространство кукишем. Ритуалы произведены.

В своем маленьком кабинете Степан Андреевич стоит у карты боевых действий – плана эвакуации при пожаре. Он готов к бою. Под потолком на крюке покачивается бетонный куб с надписью «Груз!».

Глава 2-я, в которой на основе необычной природы человека наш герой показывает образцы мощной магии страха

От людей действительно многое зависит, если не сказать, все. Люди, и каждый человек в отдельности, и все вместе, влияют на происходящее вокруг более, чем кто-либо другой. Однако на самих людей влиять необычайно сложно.

Считается, что все животные, включая человека, находятся под влиянием внутренних и внешних обстоятельств, определяющих их выживание. В этом смысле все устроено довольно просто. Что-то полезно, для выживания, что-то – вредно. Что-то может оказаться полезным, и мы считаем это интересным. Что-то грозит стать вредным, и мы признаем это опасным. Все полезное вызывает удовольствие. Все вредное мы чувствуем, как боль.

Вот и живут люди и животные по этим двум законам, очень похожим на Инь и Ян, черное и белое, Добро и Зло. С интересом ищут полезное и опасаются вредного. Стремятся к удовольствию и избегают боли. И такое положение дел, казалось бы, очень удобно для влияния на человека и управления им. Сделал человек что-то нужное – получи удовольствие от конфетки или премии. Поступил плохо, нарушил запрет, совершил ошибку – получи порцию боли по заднице или от штрафа.

Эта схема удивительно эффективна, и все только потому, что выстроена миллионами лет жизни живого на земле. Эта схема работает безупречно и безотказно, потому что имеет химическую основу, а с химией не поспоришь. Удовольствие – это химия эндорфинов, самодельных наркотиков организма. Боль – это химия адреналинов – ядов собственного производства. Химические кнут и пряник у всех и навсегда встроены в гены. Никто не может противостоять, игнорировать или обмануть эту древнюю генную затею Природы.

Никто!... Никто, кроме человека. Единственное живое существо на Земле будет рисковать жизнью ради удовольствия. Не пользы! Только человек будет терпеть боль на спор или потому, что это модно. И виной этой аномалии совершеннейшая малость. Такая малость, что и не существует вовсе, но есть.

Представьте себе, мальчика перед телевизором с джойстиком игровой приставки в руках. Вот он с азартом гоняет что-то по экрану, переходя с уровня на уровень, теряя жизни или запасая их впрок, проигрывая или побеждая. А теперь представьте, что проводки от джойстика идут не в телевизор, а... например, в правительство, и теперь малец может управлять целой страной.

Однако ничего не изменилось в заботах и поведении мальчика. Он все также упоенно и самозабвенно играет в игру, корча свои детские гримаски. Что будет с такой страной?

А теперь представьте, что проводки идут извне в человеческий мозг, и есть некто, кто, подобно мальцу, играет с человеком, как с компьютерной игрой. Есть такой малец. Есть такой игрок. Личность. Он жмет на кнопки и крутит рычажками, гримасничает, злится или радуется, управляя, как целой страной, целым человеком.

Мальцу плевать на телевизор с детальками, на страну с людишками, на человеческое тело с органами и клетками. У него одна забота – играть, пока идет игра, и есть запас игровых жизней. Он не подчиняется древним генам. Не может по определению. Он – не тело. Он и тело – две разные разницы. Он не тело, но может управлять им. Таков человек. Тело, управляемое мальцом с джойстиком.

Именно так все и устроено. Вот только малец не просто мал, а даже не существует, не материален, но... Он есть. Он есть и управляет. Кстати, проводов тоже не видать. И личность, и

ее связь с мозгом нематериальны. Узнав о таком своем устройстве, люди стали подрисовывать личность в виде кружочка над головой.

Подвесив в своем кабинете к потолку на крючке бетонный куб с надписью «Груз!», Степан Андреевич решал сложную задачу влияния на человека, который никак не хочет соблюдать технику безопасности. Он знает, что человека ничем не проймешь, особенно инструкциями, предупредительными надписями и табличками, особенно в деле их соблюдения. И все же, зная об этом, инженер по технике безопасности Московской фабрики елочных игрушек Степан Андреевич со сладострастием и предвкушением финала, как оргазма, наблюдает, как очередной вновь нанятый работник кривит губой на предложение прочесть и подписать инструкцию о технике безопасности.

– Прочитали? – ележно воркует Степан Андреевич.

– Да! – презрительно бросает новенький.

– Внимательно прочитали? – с напускной заботой продолжает инженер.

– Да, внимательно! – новенькому в тягость все эти дурацкие формальности, и в этом его презрении читается «А мне по фигу!».

– А вы прочитали на последней странице о штрафах? – как близкий родственник, интересуется инженер. Новенький с легким интересом отыскивает последнюю страницу и пробегает ее глазами.

– Не понял! – и в его голосе звучит возмущение. – Это что же, за всякую ерунду штрафы?

– Не просто штрафы, а растущие штрафы. Эта схема называется «Плюс сто-пятьсот». Штраф начисляется из расчета: один процент, где за сто процентов принимается зарплата работника. За каждое последующее нарушение техники безопасности начисляется 500 рублей.

Работник вращал глазами, туго соображая, а Степан Андреевич продолжал просвещение.

– Вот у вас какая зарплата? – спрашивает инженер с загадочным видом фокусника в цирке.

– Тридцать тысяч, – уже растерянно отвечает новенький, словно боясь попасться на подвох.

– Значит, штраф за первое нарушение техники безопасности составит триста рублей. Следующий штраф – восемьсот рублей. Следующий – тысяча триста рублей, потом тысяча восемьсот, две триста... Удобно считать, не правда ли? – и Степан Андреевич замолкает, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Постепенно новичок приходит в себя. Он понимает, что это всего лишь предупреждение, слова. Он не боится слов. Зря он так с Андреичем.

– Таким образом за первое нарушение техники безопасности на вас накладывается штраф триста рублей. Я напишу докладную записку в бухгалтерию и с первой зарплаты с вас вычтут, – инженер улыбается.

– В смысле? – работник недоумевает.

– А вы обернитесь. Что там написано? – выходит на финал Степан Андреевич.

Новенький, определенно пребывая в трансе, оборачивается и видит на стене табличку, на которой написано: «Не стой под грузом!».

– И что? – работник не понимает фокуса.

– А теперь поднимите голову вверх! – точно факир восклицает Степан Андреевич.

– Медленно, как во сне, новичок поднимает голову вверх и видит под потолком бетонный куб на с надписью «Груз!».

Полдела сделано. Теперь Степан Андреевич проследит, чтобы в денежной ведомости обязательно появилась запись «300» в графе «Штрафы». Инженер по технике безопасности знает об устройстве людей и умеет влиять на них. Страх – лучшая магия! И он знает, как использовать ее в канун нового года...

Глава 3-я, в которой упомянут еще один герой и дан старт противопожарной магии

Все люди разные! Это определенно штамп, то есть, мысли, под слоем ржавчины. Но ведь люди действительно разные, и не только своей половой, расовой или этнической принадлежностью. Есть одно малоизвестное, но очень важное отличие, делящее людей на классы безжалостно и строго. Это различие людей по уровню развития личности.

Личность – тот самый малец с джойстиком – проходя уровень за уровнем в своей компьютерной игре, становится все более умелой в управлении, и если ей что-то не давалось, не подчинялось воле, было не по зубам, теперь падает к ее ногам. Наступает день и час, когда очередная высота, доселе не достижимая, оказывается взятой. Очередной уровень пройден.

Каждый человек стартует в своей жизни с «низкого старта» – из положения животного. Личность, появившаяся в возрасте около трех месяцев, беспомощна и неумела. Однако с каждым днем, пробуя и ошибаясь, одерживая маленькие победы, она постепенно берет под свое ручное управление инстинкт за инстинктом, рефлекс за рефлексом.

Вот ребенок потянулся ручкой и достал то, что ему давно хотелось достать, но ручки не слушались. Вот он усилием воли терпит позывы, пока не добежит до горшка. Вот он с трудом, но терпит голод до часа, когда мама позовет обедать. И так далее до самого последнего уровня.

Люди различаются между собой тем, какой очередной уровень стал доступным ручному управлению личности.

Сначала под властью оказывается тело со всей его физиологией. Разумеется, не все получается, и это даже хорошо, поскольку произвольная остановка сердца – развлечение опасное. Но дыхание уже можно задерживать, если поспорил на что-то стоящее. А уж терпеть голод и жажду уже проще простого. Недолго.

Затем падает бастион социальных норм, правил общежития. Люди уходят с работы, бросают семьи, уезжают на океанское побережье, чтобы ходить в сари, читать мантры и курить марихуану.

И когда власть захвачена полностью, остается только полновластная личность, которая только и решает, что ей делать и как жить. Она сама, и никто другой, становится причиной для самой себя. Такой уровень развития личности, наивысший, великий человековед Абрахам Гарольд Маслоу назвал самоактуализацией, а людей такого уровня – самоактуализированными.

Пикантность ситуации состоит в том, что они о себе все это знают и понимают заботы тех, кто только еще на пути. Они знают, что их, самоактуализированных, немного, и они узнают друг друга, встретившись. Вот только с нижних этажей их не разглядеть, и простые люди считают небожителей обыденно ненормальными и даже придурковатыми. По крайней мере, многие из самоактуализированных считаются чудаками.

Среди множества отличительных черт, присущих этой необычной категории людей, отмечают, как отличительный признак то, что дело, которое они делают, они делают очень хорошо. Неповторимо хорошо. Однако хорошо ли это для окружающих людей и организаций, в которые волей случая занесло самоактуализированную личность?

Хорошо ли это для медперсонала и медицинской клиники, что врачом-диагностом в ней работает доктор Хаус? Хорошо ли, что на Московской фабрике елочных игрушек работает инженером по технике безопасности Степан Андреевич?

Оно, конечно, хорошо, что уровень травматизма на фабрике, где есть агрессивные химикаты, высокая температура, режущие руки и наматывающие рукава станки, ниже на порядок, чем на аналогичных предприятиях. Но кому понравится, что заработанные кровью и потом

рабочего класса денежки не реинвестируются в производство, станки, технологии или бонусы высшему менеджменту, а приходится закупать новые огнетушители и краску для ограждений? Какой передовик будет доволен, если его постоянно тормозят в его стахановских порывах только потому, что это опасно?

Вот и Степан Андреевич, мягко говоря, вовсе не был окружен друзьями и почитателями, а напротив, словно находился в стане врага, норовящего зайти за ограждение и остаться без руки. Он же, не взирая на трудности и даже угрозы в его адрес, спокойно и уверенно делает свое дело, и казалось иногда, что это дело его жизни.

Определенно, Степан Андреевич обладал еще какими-то необычными способностями. По крайней мере, неприятностей с ним самим из-за такой манеры исполнения своих обязанностей не случалось. Жалобы были, и не единожды, грозились его поймать и побить, но... Прямо как в том случае, о котором написано: «... и хотели схватить его, но он прошел меж них...».

А ведь было за что быть недовольными работой инженера по технике безопасности. Бывало, решал Степан Андреевич одновременно пресечь курение рабочих в неположенных местах и ... испытать на исправность пожарное оборудование – гидранты, рукава. Особенно были недовольны офисные работники, оказавшись в намокших дресс-кодовых одеждах. Или выходил инженер на охоту за курящими, как мультяшный пес Шарик из Простоквашино, с фоторужьем, и делал пикантные планы курильщиков, затягивающихся никотиновым дымом до сладострастия на лице. Нафотографирует своим Айфоном, распечатает – и в кадры, а те, подписав фамилии фигурантов, – в бухгалтерию. И вот вам новая штрафная рота уныло стоит у окошка выдачи зарплаты. Сегодня ее будет меньше.

Злились на него по-настоящему, жаловались, и не известно, как отбивался бы от жалоб Степан Андреевич, не будь у него в приятелях Семен Аркадьевич из отдела кадров.

Были они одного поля ягоды, знали об этом, часто сживали за чаем в обсуждении мировых проблем – европейский кризис, события в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Обсуждали и положение дел на фабрике. Однако непосвященному их разговор о фабричных новостях показался бы странным и темами, и терминологией.

В интересном положении оказывается предприятие, стоит там появиться одному самоактуализированному работнику, а тут сразу два. Да еще поговаривают, что и генеральный такой же.

А кадровик Семен Аркадьевич был тот еще затейник, и если считать, что оба они владеют магией, то инженер, скорее, специалист в области технической магии, а кадровик, определенно, практикует магию речевую. Чего стоят его вопросы на собеседованиях с кандидатами на работу. Спросит, бывало, о любви, верности, завтрашнем дне... И делает точные выводы, кто перед ним.

Вот так обсудят за чаем быющего копытом карьериста, не жалеющего людей, и Степан Андреевич затеет техническую каверзу – например, разладится ключевой станок и станет гнать брак. А Семен Аркадьевич поймает карьериста в коридорах, как бы невзначай, возьмет за пуговицу и, сообщая доверительно, поведает под секретом, как кривились губы и морщились носы лиц, принимающих решения о судьбах карьеристов при упоминании жестокого обращения с рабочими.

А то, бывало, остановит кого в коридоре, и ну его донимать вопросами ряда: «Как сам? Как семья?», от чего остановленному становилось не по себе от предчувствия надвигающихся неприятностей.

Так они и делали каждый свое дело – Степан Андреевич и Семен Аркадьевич. Действий своих никогда между собой не согласовывали, но получалось, что действовали всегда слаженно.

На третий день декабря Степан Андреевич приступил к реализации плана мероприятий против среднестатистических пожароопасных работников и работниц во имя предупреждения

возгораний и воспламенений, опасность чего всегда усиливается в канун нового года – праздничная иллюминация, свечи, бенгальские огни, пиротехника и бесшабашное настроение.

Первым делом Степан Андреевич распечатал и развесил тут и там объявления, призывающие соблюдать осторожность с электронагревательными приборами и запрещающие пользоваться открытым огнем вплоть до зажигалки.

Тексты были составлены так, чтобы вызвать у читателей презрительные усмешки в адрес автора объявлений и его озабоченности пожарной безопасностью. Этого и добивался инженер, чтобы подготовить потенциальных нарушителей к следующему этапу своей операции – акту магии неожиданности.

До нового года оставалось меньше месяца.

Глава 4-я, в которой наш герой ведет подготовку к операции, пробуждающей в людях древний страх

Яблоки падают себе и падают, но только Ньютону приходит в голову вопрос: «Почему?». Люди смеются над смешными обезьянами в зоопарке или в цирке, но им не придет в голову, что люди и обезьяны похожи не зря. Для этого нужен Дарвин.

Мы так и остались гоминидами, высшими обезьянами в одном ряду с гориллами, орангутангами, шимпанзе и бонобо. Это наследство незримо управляет человеком и будет управлять всегда. Чтобы вырваться из тисков своей обезьяньей природы требуется приложение немалых сил.

В триаде возможных реакций на опасность – нападать, убегать и замирать – обезьяны выбирают бегство, что объясняет, например, привычную манеру решения проблем, статистику разводов, увольнений с работы, запоев и самоубийств.

Иерархическая структура семьи шимпанзе ничуть не изменилась за миллионы лет, формируя привычное устройство любой фирмы, компании или холдинга. Патриархат с гаремами в генах до сих пор заставляет альфа-руководителей собирать команду поддержки из секретарши, любовницы и жены.

Похолодание изменило рацион питания обезьян, запустив программу установки опции «хищник». Потеплело, и программа оказалась недоустановленной. Есть клыки, укороченный кишечник, программа охоты ради убийства и поедания плоти животных, но не хватило времени, чтобы научиться переваривать плоть без термической обработки, и людям пришлось освоить огонь.

Из всех страхов, доставшихся людям от обезьян, например, страх змей, заставляющий вздрагивать, слышав шипящие звуки, только огонь не оставил следа в генных программах. Для всех живых существ огонь – это смерть, и только для человека, это жизнь, на которой поджаривается тушка кролика. Огонь дает тепло и защиту от замерзания. Огонь – это благо.

Пресловутое «неосторожное обращение с огнем» закладывается в детстве. Взрослые не боятся огня, и он перестает быть опасностью. С огнем можно играть. Он обжигает пальчики, но если проявить осторожность, огонь может творить чудеса, поджигая спичку за спичкой, бумажку, скатерть, штору. Как красив огонь полыхающего дома! Завораживающее зрелище, не вызывающее страха.

Огонь – это еще и свет. Оказалось, что светит не только Солнце, следуя своему неуклонному распорядку включения и выключения света. Светит огонь костра, свечи, керосиновой лампы, электрической лампочки. Любовь к свету, конечно же, сильнее опасности огня.

Новогодняя пора, каким-то особенным образом пробуждает в человеке что-то глубинное, и люди по-прежнему отдают предпочтение открытому огню елочных и настольных свечей, бенгальских огней и фейерверков. Люди по-прежнему не боятся огня, иллюзорно считая его заботливым другом. Однако огонь – это всего лишь реакция окисления при высокой температуре с переходом горящего предмета в плазменное состояние.

Работники и работницы офисов и цехов курят чаще в предновогодние дни, подолгу не гасят зажигалки, прикурив. Смотрят на пламя, словно что-то вспоминая. Мысли людей, даже некурящих, объединяются в едином направлении, заставляя брошенные у урны окурки долго не тухнуть, поджигая бумагу. Происходят случаи самовоспламенения самых разных предметов.

Зажатая внутри проводов электрическая энергия начинает вырываться наружу искрами и короткими замыканиями. Перегорают, взрываясь, лампочки. Перегорают электроприборы.

Дымят и оплавляются электрические розетки и вилки. Если измерить напряжение сети, окажется, что оно выше положенных двухсот двадцати вольт на одну-две единицы, и это не случайно. Начинается горячая пора возгораний.

Операция по восстановлению страха огня, задуманная Степаном Андреевичем, шла по плану. Сегодня он заготовил новые объявления, которые наклеит поверх предыдущих на третий день после расклейки первых. В новых листовках призывы соблюдать спокойствие случае пожара и покинуть помещения в соответствии с планом эвакуации.

Предполагается, что такие сообщения еще больше успокоят персонал, и тем неожиданнее будет очередной ход операции Степана Андреевича. Он спустился в подвал.

На этот раз в качестве объекта демонстрации опасности пожара Степан Андреевич выбрал здание заводоуправления. В подвале есть несколько бесхозных помещений, одно из которых будет использовано в операции.

Маленькая оштукатуренной кирпичной кладки каморка с железной входной дверью подойдет как нельзя кстати. Степан Андреевич осмотрел ее внимательно, подсвечивая фонариком. Пусто. Ни мебели, ни прочего хлама. На внешней стене, выходящей во двор фабрики – маленькое застекленное окошко с решеткой. Именно это и нужно, чтобы все сработало так, как надо.

А будет все так. Степан Андреевич принесет из закровов армейский генератор дыма с таймером поджига. По завершении работы устройство саморазрушается, не оставляя следов. Накануне операции он разобьет стекло окошка, чтобы дым мог выходить наружу. Дым он выбрал черного цвета, чтобы все было убедительно.

В назначенный час, то есть перед обеденным перерывом, когда все мысли заняты предвкушением фабричного обеда в столовой, сработает таймер, дым будет валить из окошка поднимаясь вверх мимо офисных окон. В этот момент Степан Андреевич объявит пожарную тревогу. Заревут ревуны. Громкоговорители станут прокручивать запись голоса о пожарной тревоге и направлять людей по маршрутам эвакуации.

Ревуны и вещание будут действовать не только в заводоуправлении, но и в цехах. Главное – вызвать побольше естественной в таких случаях паники. Внештатная пожарная команда, носящаяся с огнетушителями и путающаяся в пожарных рукавах создаст еще больше суматохи.

Эвакуированные будут сгоняться во двор фабрики, чтобы видеть дым и горящее, как им покажется, заводоуправление. В толпе будут нарастать тревожность и страх. Люди замерзнут. В это время на фабрику въедут вызванные Степаном Андреевичем пожарные машины и машина скорой помощи. Проблесковые маячки и сирены добавят свою пронзительную ноту в шоу.

Пожар, конечно, будет потушен. Не забыть только закрыть железную дверь на замок, чтобы пожарные взломали ее. Пожар и участие в нем, суeta, паника, вкус опасности – все это с некоторой вероятностью включит в людях древний ген страха перед огнем. Если все рассчитано верно, этого шлейфа опасности хватит как раз, чтобы пережить опасный предновогодний период без настоящих пожаров. Это тот случай, когда игра стоит свеч.

Вот еще одна деталь. Степан Андреевич вновь внимательно осмотрел потолок и стены. В помещении не должно быть электропроводки, потому что заливая огонь водой, пожарные могут вызвать короткое замыкание. На одной из стен Степан Андреевич все же обнаружил два проводка, торчащие из штукатурки. Он осторожно потянул их, вырывая из стены. Штукатурка вдруг рухнула, осыпаясь, и открыла, ни много ни мало, угол какой-то двери – металлической, но определенно не современной. «А ведь здание-то старое, дореволюционное...», – подумал Степан Андреевич, и дотронулся до двери... Зря он держал в другой руке выходящие из стены провода. В голове его вспыхнул ослепительный свет. Инженера по технике безопасности банально ударило током. Он даже ничего не успел подумать. Просто упал навзничь и затих.

Глава 5-я, в которой перед главным героем открывается удивительный мир, и сначала это пугает его

Личность не материальна, если верить в гипотезы некоторых странных ученых. Как же она, нематериальная, соприкасается с материальным миром? По каким таким каналам и как получает она информацию о мире и отправляет свою волю, влияющую на мир? Это загадка из загадок.

Вот светит пламя свечи. Свет – это электромагнитные колебания. Вот лучи света от свечи попадают на хрусталик глаза и преломляются в этой двусторонне выпуклой линзе, как в школьном опыте по оптике. Перевернутое изображение пламени попадает на сетчатку глаза, и побежал по главному нерву сигнал слабого электрического тока. Забежал в мозг и... пропал. Перед личностью раскрывается картина пламени свечи. Картина нематериальна. Когда и как произошел переход материального в нематериальное? Загадка.

Кстати, об оптике. Изображение свечи переворачивается линзой хрусталика. Так перевернуто и видят младенцы окружающие их предметы. А потом, в возрасте совпадающем с появлением личности, месяца в три, изображение переворачивается «в голове» так, чтобы соответствовать первому пониманию ребенка о том, где верх, а где низ. С тех пор мы и видим все так, как есть.

Однажды в качестве эксперимента на подопытного студента надели оптическое устройство, переворачивающее изображение. Надели и отпустили пожить в лаборатории. Студент, конечно, сначала путался и спотыкался, наткнулся на предметы и падал. Однако через две недели он стал видеть все так, как привык, перевернув «в голове» изображение с «головы на ноги». Это всех удивило. Особенно студента.

Раз такое дело, со студента сняли это самое устройство, и он вновь увидел окружающий мир невооруженным глазом. Вот только мир снова был вверх ногами. Как в далеком детстве, до переворота. Студент, разумеется, испугался – как же теперь на лекции ходить и с доски списывать? Однако и на этот раз через две недели изображение снова перевернулось, и студент стал видеть все так, как до эксперимента. Так, как все мы с вами.

Кто это делает? Личность. Она многое может. Вопросом остается вопрос: «Как она это делает?». И снова мы не знаем ответа, не можем объяснить природу связи нематериальной личности с материальным миром. Примеры такой связи будоражат воображение. Мать чувствует, что с ее ребенком случилась беда. Девушка оглядывается, если с интересом посмотреть на нее со спины, опуская взгляд на приятные глазу округлости.

Эзотерики пускаются во все тяжкие фантазии, сочиняя небылицы об астралах, эфирах и аурах, информационных полях и телепатии. Их глупости так же далеки от истины, как сказки для детей о том, что детей находят в капусте. Если только под капустой взрослый юмор не понимает некоторые анатомические схожести.

Множество наблюдений о проявлениях личности остается без ответа о причинах. Многие слышали о капризах компьютеров в присутствии некоторых людей. Будучи за рулем автомобиля нельзя рассказывать пассажирам о намерении продать машину – она станет ломаться.

Домашние животные делаются похожими на хозяев, кошки говорят «Мама!», собаки говорят «Дай!». Кошки, собаки, коровы, лошади, свиньи делаются разумными, общаясь с человеком. Разумеется, что разума у них не прибавляется. Не дано им. Но есть версия о том, что человек умудряется простирает свое влияние, воздействовать на окружающие предметы не только руками, не только прикасаясь к ним. Как?

Еще более странные примеры, что называется, из глубин народной мудрости. Если по деревне шла милая бабушка, почитавшаяся односельчанами колдуньей, в домах по маршруту следования скисало молоко и опадало поднявшееся тесто. Как они это делали?

А вот еще был случай... Кто-то продвинутый слышал об эффекте Гейзенберга. В этой странной истории электрон ведет себя, то как волна, то как частица, а это совершенно разные состояния, в зависимости от того, ... присутствует ли при эксперименте наблюдатель, человек. Нельзя относиться к таким научным экспериментам иначе, как к фокусам. Но все же.

Жаль в лаборатории не проверили разных людей на их способность влиять на состояние электрона. А если у научного сотрудника голова болит, а если он с похмелья или если теща приехала? Как тогда электрон поведет себя? Определенно, человек влияет на мир, и влияние это может быть очень сильным. Сильно влияющих на мир людей иногда называют магами. Потому что могут.

Вы думаете, что со Степаном Андреевичем произошло что-то необычное? Что-то мистическое? Что за дверью обнаружится что-то покруче, чем за дверью за холстом в камерке Папы Карло? Вовсе нет. Инженера по технике безопасности просто сильно шандарахнуло током. Такое бывает, если держаться одной рукой за «фазу», а другой дотронуться до «земли». Рубильник не обесточил, на резиновый коврик не встал, резиновые перчатки не надел. А еще учит...

Степан Андреевич пришел в себя, поднялся, отряхнулся от мела штукатурки, придал себе бодрости и одновременно оценил ситуацию крепким словом и продолжил свои исследования неизведанного – стал пытаться открыть дверь. Ему это удалось. За дверью оказалась... Точно такая же или почти такая же комнатуха – оштукатуренные кирпичные стены, окошко во двор, железная дверь в коридор, запертая изнутри на засов. Ему даже показалось, что комната за старой дверью как две капли воды похожа на первую комнату, из которой в нее вошел Степан Андреевич.

В обеих комнатах нужно было потихоньку прибраться от осыпавшейся штукатурки, и Степан Андреевич решил подняться на верх, чтобы взять в своем кабинете ведро, веник и совок. Он открыл засов на двери и вышел в коридор. В коридоре слабо посвечивало на манер ультрафиолетовых ламп, но это, возможно, казалось после удара током. Степан Андреевич поднялся по лестнице и вышел в коридор первого этажа, где у него был кабинет. И этот коридор странно светился. «Надо же, как меня приложило током!» – подумал Степан Андреевич.

И тут ему навстречу вышли люди. Они, вероятно, просто шли по коридору по своим делам или выходили из своих кабинетов, чтобы идти по своим делам. Обычно дело, но... Их головы светились! Вокруг головы каждого идущего навстречу Степану Андреевичу человека светился круг или шар или ореол, и эти ореолы были разными у разных людей – разного цвета. Это было необычно... Вообще-то о таком нужно бы сказать покруче.

Не понимая, что происходит, и по-прежнему относя происходящее на счет удара током, Степан Андреевич поспешил заскочить в свой кабинет и закрыться. На ключ. Кабинет освещал фиолетовым сиянием по углам. Неторопливо, словно боясь увидеть то, что ожидает, Степан Андреевич подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. Вокруг его головы не светился, а буквально сиял белый, ослепительно белый ореол, который почему-то не освещал потолок, пол и стены. Светился сам по себе. Это было похоже на лунный свет, только ярче.

Отвернувшись от зеркала и махнув рукой со смыслом жеста «Пройдет!», Степан Андреевич полез в шкаф за уборочным инвентарем. Он открыл дверцы шкафа, и оттуда врассыпную, иначе не скажешь, метнулись какие-то мохнатые темные, но прозрачные, шарики, размером с кулак. От неожиданности Степан Андреевич шарахнулся в сторону. Приглядевшись, он увидел такие же шарики, гроздьями висевшие в углах кабинета под потолком. Это еще что такое?

Вновь успокоив себя мыслью о поражении током, Степан Андреевич вышел из светящегося кабинета, прихватив с собой ведро, веник и совок, в светящийся коридор навстречу людям

со светящимися ореолами вокруг голов. Серый, синий, красный, оранжевый, зеленый голубой, коричневый... Он скользнул вниз по лестнице в подвал, вошел в оставленную открытой дверь обнаруженной комнаты и принялся за уборку.

Собрав куски штукатурки в ведро, Степан Андреевич закрыл странную комнату на засов изнутри, вышел в коридор через дверь первой комнаты, предназначенной для демо-пожара и вновь поднялся на первый этаж, следуя к себе в кабинет. Навстречу шли люди, и ничего в них не светило. Не светился и кабинет. Не висели по углам странные полупрозрачные мохнатые шарики, которые привиделись Степану Андреевичу в первый раз. Все встало на свои места. Все пришло в порядок. Все нормально.

Все пришло в норму, но, как говорится «Осадочек остался!». Что-то во всем этом было не так. Ненормально. Степан Андреевич ухватился за эту мысль, но не успел ее додумать – зазвонил телефон. Черный. Внутренней АТС. Звонил кадровик Семен Аркадьевич.

– Привет, Степан! Не забыл? Скоро новый год...

Глава 6-я, в которой составляется список вредных людей и начинается охота на них во имя преодоления беспокойного предновогоднего периода

Люди необычайно сильны. Хорошо, что есть сила, способная подавить волюнтаристскую волю человека. Стоит только людям собраться вместе, а делать они это вынуждены, чтобы жилось полегче, как один подавляет другого, и оба оказываются в равновесии, в котором каждому настолько хорошо, насколько достается при дележе. И настолько же плохо. В смысле, не так уж и плохо.

Если же собирается вместе много людей, например, в городе, в стране или просто на маленькой фабрике ёлочных игрушек, так сразу каждый из людей, состоящих в этих сообществах, оказывается буквально зажат, как в тиски, в уравновешенное натяжение отношений. Не шевельнешься.

Сообщества людей, а называются они социальными системами, жестоки. Как и во всякой системе, в сообществах «включается» Закон Самосохранения Систем – великий закон Природы. Отныне система сама определяет судьбу каждого своего элемента – человека. Подходит системе? Оставайся вместе со всеми в общей куче. Не подходит? Вон из системы!

Правила пребывания в сообществе просты. Их два. Если человек полезен – он остается и даже будет обласкаан системой. Если вреден – будет изгнан, да так, что мало не покажется. Полезны те, кто способствует системе – поддерживает и умножает связи, производит и призывает все новых людей в систему. Вредны те, кто рвет связи и уменьшает число людей в системе.

По этой простой причине общественница из кинофильма «Служебный роман» гораздо полезнее любого инноватора, предлагающего новые технологии, сокращающие персонал или просто не дающие повода ходить из кабинета в кабинет с бумажками, чтобы заодно обсудить сплетни и ход сюжета сериала.

В каждом сообществе, и фабрика елочных игрушек не исключение, есть вредные обществу люди. Необычайно важно знать, и что это за типажи, и каждого конкретного представителя каждого типа. Для Степана Андреевича это имеет прикладное значение, поскольку вредные люди как раз и будут точечными причинами возможных неприятностей, аварий и пожаров. Для Семена Аркадьевича вредные люди тоже имеют значение, потому что именно они и приводят к опасным конфликтам между сотрудниками.

И все эти неприятности обязательно обострятся в канун нового года из-за эффекта сгущения событий. Если не принять меры, то неприятности случатся. Но меры будут приняты, и Степан Андреевич спешит на необычное производственное совещание, участвовать в котором будут только два человека. Но зато какие!

Отвлекаясь от странных впечатлений о странных светящихся людях, инженер по технике безопасности зашел в кабинет к кадровику. Они были друг с другом «на ты».

– Привет, Степан! – повторил произнесенное уже по телефону приветствие Семен Аркадьевич. – Давай покумекаем о новогодних праздниках.

Степан Андреевич, хоть и догадался, о чем пойдет речь, все же не удержался – пошутил.

– Составим план корпоративной вечеринки? – и он улыбнулся, вызывая ответную улыбку кадровика.

– Давай поговорим о потенциально опасных сотрудниках, – Семен Аркадьевич, похоже, настроился порассуждать, прежде чем назовет фамилии, – Бывают опасные люди семи типов, и все они есть у нас на фабрике.

– Карьеристы. Они опасны тем, что сотрудничеству предпочитают соперничество. Так уж они устроены. Если не будет соперников, их не с кем будет сравнивать, и никто их не заметит. Карьеристы буквально создают врагов, чтобы бороться с ними. Так вокруг карьериста собираются враги, и он начинает думать, что его врагами являются все без исключения. Это как у Сервантеса – что ни мельница, то чудовище. Новогоднее обострение выльется в битвы карьеристов со всеми, в ком они заподозрят врага. Будут открыто конфликтовать, нападать, атаковать, оскорблять, подавлять или скрытно подставлять. У нас есть человек десять в разной степени проявленных карьеристов, но самый явный – завпроизводством Карташов.

Мудрый кадровик продолжил перечисление, и вот этот перечень:

– Протестующие. Мой великий соплеменник Абрахам Маслоу называл их растущими. Для них протестовать против правил – способ доказательства своей свободы, а свободу они начинают ценить именно из-за личностного роста. У нас в айти-отделе работает Христофор. Пока я прикрываю его от начальственного гнева за дрэды и бусы, он будет делать свою работу и молчать, уходя в Интернет, как в астрал. Но новогодняя пора может и его взбаламутить. Вот услышит он на итоговом совещании речи начальства – штамп на штампе – и хотя это язык социальных систем, Христофору это будет резать ухо, и может сподвигнуть резать правду-матку о том, что он думает о начальстве, сотрудниках и фабрике. Ему, разумеется дадут отпор. Он, конечно, ответит. Ответ Христофора может быть слишком сильным и слишком опасным для всех.

– Интриганы. Три зама генерального давно играют в эту игру – объединяются в коалиции и расходятся по углам, разносят сплетни, доводят дезу и подставляют друг друга. Для них это игра, где ставкой не столько кресло генерального – они знают его силу, сколько вкус участия в битве за директорское кресло. Новогодняя опасность от этих игроков в том, что они могут вовлечь в круг своих интриг слишком большое число людей, и тогда ситуация может выйти из под контроля. Представь, Степан, если фабрика разделится на сторонников и противников каждого из этой троицы.

– Озабоченные женщины. В отличие от озабоченных мужчин, известных, как ходоков, которые только укрепляют единство коллектива, озабоченные женщины, а это разведенки и незамужние, одержимы целью выйти замуж – повторно или в первый раз. У нас есть несколько таких, кого поджигает возраст. Однако особо опасна Эльвира из бухгалтерии. Она определенно ведьма. Я наблюдаю за ней, и она, без сомнения, привораживает к себе женатых мужиков. Влюбленные в нее перестают думать о своих семьях, работе, и коллективе. Они готовы на самые разные безрассудные поступки, и Эльвира будет их к этому провоцировать. Самый страшный сценарий – это битвы оленей – дуэли самой разной степени опасности по фатальности исходов.

– Воры. Звучит жестче, чем советское «расхитители собственности», но гораздо точнее. В некотором смысле, это признак роста – они перестали бояться правила «Не укради!». Новогодняя горячка воспринимается ими верно – бдительность ослаблена, контроль на нуле, все навеселе. Вообще-то воры в обычное время даже полезны – исчезновение части ресурсов приводит поток ресурсов в движение, выводит из неподвижности. Это как кровь пускали в старину или цепляли на больших пиявок, чтобы ускорить обмен веществ. Бояться нужно, если воры позарятся на большой куш.

– Алкоголики. Ты знаешь, Степан, тебе они известны по технике безопасности. Проблема алкоголиков в том, что личность их раздвоена на базовую и алкогольную. Если уходят в запой, на фабрику приходит вовсе не тот, кто числится в табеле. Приходит двойник. Он будет делать, что и обычно, но он не имеет ответственности ни за что, из того, что делает. Это не его жизнь, не его фабрика, не его товарищи. Запой пройдет, и он уйдет вглубь головы. Вернувшийся к жизни базовый человек сильно удивится тому, что успел натворить его алкогольный клон. Перед новым годом все будут выпивать на работе – в кабинетах, в раздевалках, в курилках, наливая из карманных фляжек, в столовой, пронося коньяк, как Пепси Колу. Алко-

голики активизируются. Бикфордов шнур будет подожжен. Кстати, я сегодня видел в коридоре Сергея из отдела продаж. Ты знаешь, он такой, как мы, но спился. Однако силы у него меньше не стало, и он опасен. Очень опасен. Это особый случай. Личность его настолько сильна, что не засыпает при запое, а начинает управлять алкогольным двойником. Я догадываюсь, что он пребывает в непроходящем запое. Он не выглядит пьяным... Уволить его было бы сложно. Он – лучший в продажах. Ему нет равных, и он не хочет уходить. В канун нового года он может сделать что-то очень мощное по силе воздействия. Однако у меня есть план...

– Ну, и люмпены. Вообще-то у нас их, благодаря моей системе отбора персонала, никогда не бывало. Не бывало до моего отпуска летом. Пока отдыхал на Мертвом море, один из кадровиков принял на работу уборщицу. Она показалась ему даже интересной своими заявлениями о том, что не думает о завтрашнем дне, считает все умные разговоры фигней, а ее мат он принял за фишку утонченного человека. Я проверил потом. Судима. Лишена родительских прав. Пьет, правда, на работу выходит трезвой, проспавшись. Ты знаешь, Степан, такие типажи. Их развитие настолько низко, что привить им привычку соблюдать правила просто невозможно. В новогоднюю пору она может попросту привести ночью собутыльников, открыть двери своими ключами, и они вынесут все, что посчитают пригодным на продажу барыгам, а заодно подожгут, чтобы следы замести.

Вот так, – и Семен Аркадьевич замолк.

– Подожди-ка! – завершил какие-то свои мысли Степан Андреевич. Он вышел из кабинета кадровика, зашел в свой кабинет за ключами и фонариком, спустился в подвал, открыл ключом железную дверь комнатухи для демо-пожара, прошел в смежную комнату, которую сегодня обнаружил, открыл засов, прошел по коридору, поднялся по лестнице и ... Коридор первого этажа подсвечивался спокойным розовым светом. Из столовой выходили люди. Вокруг их голов светились шары, похожие на шлемы космонавтов.

– Степан Андреевич зашел в кабинет кадровика. Тот с удивлением смотрел на друга. Вокруг головы Семена Аркадьевича светился яркий белый ореол, такой же, как у самого Степана Андреевич, когда он в прошлый раз увидел себя в зеркале. Он оглядел кабинет кадровика. В углах потолка висели прозрачные темные шарики.

Степан Андреевич вышел из кабинета кадровика и вскоре вернулся вновь, проделав путь в обратном направлении. Он сел перед Семеном Андреевичем на стул и улыбнулся. Голова кадровика больше не светилась. Темных шариков в углах не было видно.

Есть кое-что, что поможет нам не прозевать назревающие неприятности. Нужно, конечно, все это проверить..., – Степан Андреевич не хотел говорить другу, что произошло, что он каким-то образом перемещается в вариант фабрики (а может, и всей планеты), где может видеть излучения личностей, оценивать по их цвету и интенсивности состояние человека и его опасность. Да. Во всем этом нужно как следует разобраться. – Нужно кое-что срочно проверить, – и он вышел в коридор.

До нового года оставалось все меньше дней, но теперь в заботах инженера по технике безопасности появилось новое обстоятельство, и как ему относиться, было пока непонятно...

Глава 7-я, в которой вскрываются новые обстоятельства вновь открытого нового мира и становится понятно, что не все видят друг друга

Люди часто объединяются. Это для них дело привычное. Можно даже сказать, что это в крови, вернее, в генах. Общим поводом для объединения, конечно же, являются виды на выживание. Однако общий повод вовсе не объясняет, почему уже объединившиеся люди начинают объединяться внутри объединения.

Если организация создается намерением создателей ради коллективного решения задачи, которую нельзя решить поодиночке, то в ней обязательно возникнет коллектив – еще одно объединение с незамысловатой заботой уклоняться от решения общей задачи.

Организация устремлена к достижению цели, например, «Больше товаров лучшего качества!». Коллектив решает противоречивую задачу – работать меньше, не стараться, экономить силы и время, что всегда идет вразрез с задачами организации.

Между этими молотом и наковальней оказывается человек, который входит одновременно и в организацию, и в коллектив. Организация устами бригадира требует: «Давай-давай!». И этот же бригадир в курилке огласит лозунги коллектива: «Они так наверху жируют, а нам вкалывай!».

Но как же с этим справляется простой человек? Да очень просто! Он не способен одновременно быть «службой двух господ». Он переключается с одного господина на другого, и делается это весьма незамысловато.

Когда бригадир нависает над рабочим у станка, крики «Давай-давай!» включают в работе «тумблер» принадлежности к системам в положение «Организация». Но когда в курилке звучат заводские сплетни, «тумблер» переключается в положение «Коллектив».

Такое включенное тумблером положение одного и того же человека то в одной системе, то в другой, называется социальными ролями. Вот и мечется заводской работяга между двумя ролями, как мартышка между умными и красивыми.

Сравнение с тумблером применимо только к ролям в организации и в коллективе, а так-то ролей у одного человека гораздо больше, и каждой роли соответствует своя система. Один и тот же человек может быть и гражданином своей страны, и налогоплательщиком экономической системы государства, и участником дорожного движения, и членом гаражного кооператива, и номером в очереди в окошко сберкассы, и пассажиром метро, и ребенком своих родителей, и родителем своих детей. Так что это больше похоже на пульт от телевизора с сотнями телепрограмм, чем на тумблер.

А системы – на то они и системы, чтобы подавлять человека в себе, и каждая система делает это, не учитывая давление других систем, что окончательно дезориентирует человека, путает его и приводит к страданиям.

Как рабочий у станка, человек должен стахановски трудиться, «не жалея живота своего». Как член коллектива этот же человек должен филонить, гнать брак, зависать на перекурах и саботировать решения начальства.

А если вспомнить о семье, то и она влезет жестким конкурентом: беги с работы домой, прихвати с работы что-то полезное для дома, экономь силы для жены и детей, а тут еще теща приехала...

Получается, что у человека нет своей собственной жизни, куда он состоит хотя бы в одной из систем. Так и есть. В этом беспросветная дилемма. В одиночку человек не потянет

свою жизнь, а став частью систем для облегчения своей жизни, человек перестает быть человеком.

Решив проверить свои догадки о новом мире, открывшемся Степану Андреевичу после удара электротоком, он вновь заглянул в этот странный светящийся мир, проделав уже становящийся привычным маршрут: в подвал, в комнату для демо-пожара, в смежную комнату, в подсвеченный по углам коридор первого этажа.

Степан Андреевич поднялся на второй этаж заводоуправления, или, как его на современный манер называли, в офис. Коридор второго этажа тоже был подсвечен по углам. Он не успел зайти в кабинет к завпроизводством, как тот сам вышел из двери, и словно не обращая внимания на Степана Андреевича с протянутой для приветствия рукой, продолжал разговор с начальником одного из цехов.

Нимб вокруг головы завпроизводством Карташова был насыщенно красным. Начальник цеха, кажется, гальванического, тоже светил головой в красном диапазоне, но гораздо менее интенсивно. Они говорили, конечно, о производстве.

– Увеличивайте напряжение, делайте электролиты более концентрированными, сокращайте время нанесения серебра на изделия. Дайте к концу года ошеломительный результат! – видимо, резюмировал кабинетный разговор Карташов.

– Будем стараться! – по-военному заверил начальник гальванического цеха и вдруг замялся. – Вот только...

– Что еще? – с силой спросил Карташов, остановившись.

– Как бы чего не вышло... Напряжение, концентрация. Не дай бог, оператор оступится – убьет током или сожжет электролитом, – начальник цеха говорил это с искренним беспокойством, что оценил присутствующий при диалоге Степан Андреевич.

– Нечего бояться! Долой страх! Действуйте! И... не трепитесь особо об этом. Не нужно, чтобы об этом узнал инженер по технике безопасности, – и Карташов скривился. Нимб пошел вспышками.

Вот насколько карьеристы бывают увлечены своими карьерными экспериментами, что даже не замечают своего врага, раскрывая перед ним свои карты. Степан Андреевич был изумлен одержимостью Карташова.

– Привет, Кирилл! – Степан Андреевич вновь протянул ему руку для приветствия.

– Карташов осекся, замолчал, озираясь. Степан Андреевич, улыбаясь, повторил приветствие. Завпроизводством сощурил глаза, вглядываясь в коридор сквозь Степана Андреевича. Его красный нимб пошел волнами.

– Ты слышал? – не поворачиваясь к собеседнику, спросил Карташов. – Где-то здесь Степан. Я его нутром чую. Давай-ка расходиться! – И завпроизводством нырнул в кабинет завпроизводством.

Начальник гальванического цеха, пожав плечами, поспешил к себе в цех, исполнять план повышения производительности труда и вывода производственных показателей на новые рубежи. Степан Андреевич остался стоять, как об этом говорят, с разинутым ртом.

Вот оно что. Его в этом светящемся мире его, Степана Андреевича, не видят его обитатели. И не слышат. Приняв это, как новое обстоятельство, Степан Андреевич побрел по коридору, размышляя.

– Что, блин, ушел в астрал? – раздался знакомый голос, и Степан Андреевич, остановившись, поднял опущенный под ноги взгляд. Перед ним стоял и улыбался Сергей – лучший продавец отдела продаж, разжалованный, пониженный в должности с руководителя этого отдела за какую-то из его пьяных выходок. Тот еще любитель острых выражений.

– Что, уже западло поздороваться с человеком? Ты-то уж знаешь, что я человеком меньше не стал и не стану уже. Я у тебя, Степан, вроде не во врагах, – и Сергей с испытывающим прищуром посмотрел на Степана Андреевича.

– Прости, Сергей, задумался что-то..., – оправдался Степан Андреевич, потому что нужно было что-то сказать в ответ. – Ты куда, откуда?

– Иду похмелиться. На склад. К нашему голубому воришке – завхозу второго дома Старсобеса, – вспомнил Ильфа и Петрова Сергей. – Спирт! Чистый спирт! – процитировал он и Булгакова.

Нимб Сергея был такого же яркого белого свечения, как и у Степана Андреевича в зеркале или у Семена Аркадьевича, когда он к нему заходил в прошлый раз. Только нимбов было два – один в другом, как матрешки. Внутренний нимб был серым. Это было даже красиво, но Степан Андреевич знал смысл такой сферической картины – их двое. Базовый Сергей и алкогольный. Сейчас базовый доминирует. Если доминанта перейдет к алкогольному, серый нимб будет внешним, а белый внутри.

– Не бойся, Степан, – словно прочитав мысли, заверил Степана Андреевича Сергей, – Все будет в порядке. Я держу ситуацию под контролем.

И он пошел, почти незаметно покачиваясь, по коридору. На склад. Похмелиться.

Вот еще новость. Сергей видит Степана Андреевича, они могут разговаривать между собой. А вот Карташов почему-то не видит. Решив проверить свои новые догадки, Степан Андреевич поспешил к Семену Аркадьевичу. Тот поднял на вошедшего друга глаза поверх очков и улыбнулся. Нимб Семена Андреевича светился ярким белым светом.

– Семен! У меня голова светится? – спросил он тревожно.

– Я всегда говорил, что у тебя светлая голова, – с заботливой улыбкой успокоил его Семен Аркадьевич. – У нас здесь все светится. Заходи, наливай чай. Продолжим разговор. Я тут прикинул и составил список опасных неформальных групп на нашей фабрике. Тебе будет интересно, – и Семен Аркадьевич обратил взгляд сквозь очки в свою толстую черную тетрадь.

Под потолком кабинета кадровика в углах покачивались гроздьями темные прозрачные шарики.

До нового года оставалось все меньше дней.

Глава 8-я, в которой выводятся контуры вредных для организации неформальных групп и силой мысли разбиваются водочные бутылки

Если две страны воюют между собой, всегда найдется всякая мелочь, которая не погнушается поживиться, вне зависимости от того, на чьей стороне перевес, и кому уготована победа. Это про них точная поговорка: «Кому война, а кому мать родна!».

Стоит только поссориться супругам, как тут же объявятся множественные доброхоты, под видом сострадания и помощи старающиеся урвать хоть шерсти клок в семейной склоке. Из-за этого такой жгучей нелюбовью, воспетой в фольклоре, отмечены тещи.

Организация и коллектив – явные враги и антагонисты, но и вокруг этой извечной битвы выются мелкие группки, которых психологи окрестили неформальными. Их сводит вместе всего лишь актуальная потребность. Однако следовало бы знать, что это такое, поскольку все те же психологи здорово напутали все, что успел поведать миру один из них, к которому, не без оснований, они относились, как к белой вороне, то есть как к чужаку.

Один великий человек, родители которого, как и Семен Аркадьевич, были выходцами из Одессы, уехавшими потом в Америку, проводя весьма гуманные эксперименты над студентами одного университета, где работал профессором, исследовал, ни много ни мало, феномен голода. Он просил подопытных студентов приходить к нему на беседу голодными.

Какой бы разговор ни затевал ученый, голодные студенты любую тему сводили к еде. Казалось, что голод – чувство недостатка питательных веществ – занимает все мысли и заставляет людей делать все, чтобы это чувство – чувство голода – утолить. И в самом деле, отсидев перед профессором положенное время, студенты срывались галопом в ближайший фастфуд, и «отрывались по полной» – наедались до отвала.

Это только кажется, что обнаружить такое в поведении человека вовсе не открытие. Но кто задумывался, кроме Ньютона, о падающих яблоках? Вот и в этом очевидном случае люди просто ищут еду и едят ее, не задумываясь. Правда, великое открытие заключалось вовсе не в банальной формуле «Голодный ищет еду!». Это был только первый шаг.

«Если голод заставляет думать и говорить о еде, искать ее и есть, то о чем думают, что говорят и что ищут сытые?» – наверное подумал тогда ученый и стал разговаривать со студентами после того, как те наедаются фастфуда.

Теперь студенты сводили любой разговор..., мягко говоря, к отношениям с девушками. Что же получается? Голодные не думают о плотской любви? Именно так. Голод сильнее вождения.

Чувство неудовлетворенности ученый назвал потребностью и стал проверять, какая потребность сильнее какой другой. У него получилась шкала вроде лесенки. Пока стоишь на жердочке голода, вождение молчит, но стоит только утолить голод, как подъем на одну планку вверх окрашивает весь мир в сексуальные краски.

Ученый догадался, хотя можно сказать и так – ему открылось, что потребность – это чувство неудовлетворенности условий, важных для выживания, и эти условия оказались условиями разной степени важности. При этом, что удивительно, менее важные условия-потребности при их удовлетворении приводят к выживанию гораздо эффективнее, чем более важные.

Пока человек голоден и хочет секса, он этим и озабочен. Вот только надо бы, чтобы это – и поесть, и потрахаться – было почаще, чем удастся от случая к случаю и с большими трудами. Поисковая активность задается задачей отыскать такие условия, где можно поесть три раза в

день, и иметь регулярные половые контакты. Искал и нашел. Нужно жить среди людей, вместе с людьми, в человеческом сообществе – в социальной системе.

Так был открыт новый пласт потребностей – социальных. Это тоже условия для выживания. Сначала нужно стать одним из членов группы людей, и как только оказался принятым и освоился, следующая планка потребностей – сделать так, чтобы доставалось больше еды и женщин, чем другим в группе. Кто-то при распределении отнимает у другого, потому что сильнее его. Кто-то отдает, потому что слабее. Так в каждом сообществе выстраивается шкала, именуемая иерархией. Кто-то выше, кто-то ниже, и у каждого свое строго определенное место.

Красиво получается. Голод, секс, группа, карьера – вот ступени потребностей от нижней к верхней. Какая из них актуальна? Об этом еще рано. У животных – да: что приперло, то и актуально, а точнее – насущно. У людей не так. У человека есть личность, а можно и так сказать: человек – это животное с личностью. Это все меняет.

Личность, становясь все опытнее в управлении и все сильнее, становится способной брать под ручное управление потребность за потребностью. Вот человек научился терпеть голод, и голод для него уже не может считаться насущной потребностью. Вот научился справляться с вожделением, например, молясь или как-то еще сублимируя, значит, секс отныне не может считаться насущной потребностью.

А дальше – социальные потребности. Сначала личности хватает смелости наплевать на общество с его законами, обнуляя насущность в принадлежности к группам людей, а затем, и это достижение личности, ей уже наплевать на карьеру. Да-да! Отказ от карьеры – это признак роста личности.

Вот теперь можно говорить об актуальных потребностях. Они не сиюминутны. Актуальная потребность строго соответствует силе, уровню развития личности, и постоянна, пока человек не перейдет, не поднимется на более высокую ступеньку. На относительно коротком плече времени, исчисляемом часто годами, актуальная потребность остается постоянной. Как клеймо.

Формула, по которой вычисляется актуальная потребность конкретного человека, удивительно проста. Если личность справилась с потребностями тела, но законы общества ей еще не по зубам, актуальная потребность – базовая социальная: иметь работу и ходить на нее, не опаздывая, соблюдать распорядки и правила. Если личность плюет на правила, но не может справиться с карьерным зудом, актуальная потребность – высшая социальная, то есть строить карьеру.

Стоит заметить к случаю, что личность, не будучи способной справиться с актуальной потребностью, начинает обслуживать ее, например, заучивать наизусть правила дорожного движения или строить карьерные козни и искать подходящие оправдания предательству.

Вот такие великие открытия сделал Абрахам Гарольд Маслоу, да только не читает его никто. Или не понимает. Обидно...

Актуальная потребность объединяет в малые группы носителей одной актуальной потребности.

– Я тут составил свежие списки участников вредных групп, – заглядывая в тетрадь в черной обложке, делился своими соображениями Семен Аркадьевич с вызванным на очередное необычное совещание Степаном Андреевичем.

– Литвак? – уточнил тот.

– Он! Михаил Ефимович! – кадровик всегда упоминал своих соплеменников со всем свойственным известной традиции пиететом. Степан Андреевич отдавал должное уважение лишь уму, но в этом случае должный критерий присутствовал, и он тоже испытывал искреннее уважение к упомянутому человеку.

– Ты помнишь Литвака? Он – психиатр. Вывел как-то закон, по которому в любой организации люди стекаются в три разных группы. Неформальные группы, – и Семен Аркадьевич посмаковал термин психологов.

– Первая группа, – продолжил он, – карьеристы. Они озабочены карьерой и собираются не столько, чтобы помогать друг другу, сколько, чтобы быть друг у друга на виду. Каждый карьерист должен иметь возможность сравнивать себя с другими карьеристами. Это и есть их главная забота – постоянно, регулярно и точно измерять положение на шкале статусов. Вот свежий список, – и Семен Аркадьевич зачитал фамилии. – Возглавляет список завпроизводством Кирилл Карташов, – и кадровик многозначительно посмотрел поверх очков в глаза другу.

– Теперь «дачники», – продолжал свой доклад Семен Аркадьевич, – Это термин Литвака. На работу ходят из-за зарплаты, работают от звонка до звонка, не перетрутся. У каждого главные интересы вне организации – хобби, спорт, любовница, дача, из-за чего их так и называют. Объединяются, чтобы отстаивать свои права. Это основной костяк коллектива в худшем значении этого слова. Список большой, зачитывать не буду, – Семен Аркадьевич перелистнул страниц десять своей тетради.

– Теперь «алкогольно-развлекательная» группа, – докладчик усмехнулся, – И такая есть. Ходят на работу, потому что им здесь интересно, а дома скучно. Потрепаться, переменить косточки, обсудить международное положение и правительство, сыграть в шахматы, нарды или домино. Не переработают, потому что работа отвлекает. Объединяются, чтобы им не мешали интересно проводить время. Развлекаются. Выпивают. Список небольшой. Гнездятся в плановом отделе. Там их вожак – старший плановик Мартышкин. Фамилии своей стыдится и добивается, чтобы свои звали его Михалыч... Вот так. Имей ввиду, – и Семен Аркадьевич завершил просветительский экскурс в социальную психологию.

Степан Андреевич кивнул другу, дескать: «Понял! Спасибо!», и вышел. Ему нужно было проверить еще одну гипотезу. Он спустился в подвал и прошел в светящийся вариант фабрики.

Карьеристов он уже видел. Их нимбы светятся в красном диапазоне.

Степан Андреевич поднялся на третий этаж и пошел в сторону планового отдела. Дверь была приоткрыта. Из двери по полу в коридор ползла струйка табачного дыма. В кабинете кипела дискуссия. На столе стояла початая бутылка водки, разномастные стаканы и нехитрая закуска – хлеб и колбаса.

– Карьеристы в конец оборзели!, – распинался Михалыч, – У них трудовые подвиги, а нам норму поднимают!

«Вот оно – подполье!», – подумал, улыбаясь, Степан Андреевич. Нимбы собравшихся светились синим. Сам Михалыч отличался небесно голубым. Видимо, личность его, мало помалу, созревала.

– Ну, что, граждане алкоголики, тунеядцы, дебоширы? – процитировал Степан Андреевич вслух любимую кинокомедию, чтобы проверить, видят его или нет.

Михалыч осекся в своем красноречии и стал вглядываться в дверь сквозь непрошеного гостя.

– Кто дверь не закрыл? – рявкнул Михалыч на товарищей, – не ровен час, забредет сюда Степан, эта ищейка, и обложит всех нас штрафами.

– Мы его тогда матом обложим! Пусть только сунется! – осклабился в шутке неприятного лица собутыльник. Его нимб светился двумя сферами – блекло синей и серой. Натуральный алкоголик.

Степан Андреевич протянул руку к бутылке и пытался ее опрокинуть. Не получилось. Оказывается, что его отношения с материей в этом светящемся мире не так-то просты. И это почему-то разозлило его.

– Чтоб ты лопнула, блин! – в сердцах бросил Степан Андреевич и повернулся к выходу. Сзади что-то хлопнуло, и загудели голоса. Получилось!. Степан Андреевич улыбнулся и

довольно ухмыльнулся: «Вот она – сила мысли!». А для себя отметил – здесь, в этом светящемся мире, работает магия. Самая настоящая магия, когда захотел, возжелал, сформулировал намерение, приложил немного энергии и добился своего. Просто действовать руками и ногами здесь недостаточно. Нужно прикладывать силу личности.

Проверяя эту гипотезу, Степан Андреевич подошел к двери и что есть силы приложился к ней мыслью, как ногой, усиливая намерение магией бранных слов: «На тебе, блин!». Дверь с грохотом распахнулась настежь и ударила дверной ручкой о стену коридора. С потолка упал кусок штукатурки. По оштукатуренной стене кабинета от дверного косяка к потолку пролегла глубокая трещина.

Михалыч истово перекрестился. Нимб вокруг его головы пошел перламутровыми переливками. Все это вызвало у Степана Андреевича прилив хорошего настроения. Даже куража.

«Теперь дело пойдет!» – подумал он о чем-то в общем, без конкретики.

Посвистывая, Степан Андреевич шел по коридору в потоке спешащих с работы домой «дачников». Их неяркие нимбы светились одинаково коричневым, определенно неприятным и наводящим брезгливые ассоциации светом.

«Говно и есть говно!» – оценил новость Степан Андреевич. В коридоре перед лестницей вниз остался всего один офисный толстячок. Откликаясь на звеневший в душе кураж, Степан Андреевич задумал нечто и щелкнул пальцами. Толстячок на это громко пукнул, испугался и заозирался по сторонам.

«Говно и есть говно!» – утвердительно резюмировал происходящее Степан Андреевич. «Ну, теперь держись, дачники! Я только этим прикольным фокусом буду держать вас всех в должном настроении!».

Ведь до нового года оставалось все меньше дней...

Глава 9-я, в которой главный герой создает зомби, а также раскрывается сокровенная правда о карьеристах

Странно, но карьеризм поощряется обществом. По крайней мере, складывается такое впечатление. Это действительно странно, потому что карьеристы разрушают общественные устои. На чем стоит общество?

На правилах. Чтобы мирно сосуществовать и извлекать из системных феноменов больше пользы, люди, наполняющие сообщества, должны соблюдать правила поведения. Правила, они еще называются нормами, задают поведение, действия и поступки.

Был в давности лет у мастеровых такой инструмент – *правило*. Например, у кузнецов. Если нужно наковать одинаковых загогулин из железного прута, например, для могильной оградки, то вокруг *правила* заданной формы загибался раскаленный прут. Загогулины получались поразительно одинаковыми.

Правила – они для того, чтобы делать людей одинаковыми. Можно еще сказать – равными, но заметьте, как уныло при этом звучит идея о равенстве. Правила определяют поведение людей в сообществе. Какое такое поведение?

Правила обязывают человека делать то, что ему, возможно, не хочется, не выгодно, ухудшает его выживание и качество жизни. Правила запрещают человеку делать то, что ему, возможно, хочется, выгодно, улучшает жизнь и условия жизни. Правила оставляют человеку малую толику свобод, в сужающихся рамках которых человек пытается делать то, что ему полезно, и не делать то, что ему вредно. Но правила сильны. Они заставляют себя выполнять. Как же они это делают?

Наказывая и поощряя. За всякое нарушение правил полагается наказание, и оно действительно применяется. Любое соблюдение правил, вопреки своим интересам, поощряется, и поощрения не просто приятны – они полезны. Не пропускается ни одного случая нарушения или соблюдения правил. Кто же следит за исполнением правил, и кто применяет санкции?

А сами же люди и делают это. Вспомните, хотя бы, бдительных соседей, мимо недремлющего ока в дверном глазке которых не проходит ни один случай недостойного поведения соседа напротив. Он, хоть и неженатый, но это безобразие (читай – нарушение правил), что к нему каждый день приходят разные женщины и остаются на ночь. А ведь он просто своеобразный терапевт и добрый человек, объективно заслуживающий памятника при жизни. Ведь женщины считают себя никому не нужными, если их никто не ... приголубит. Но бдительные соседи начеку, они звонят, кому следует, и пишут, куда надо. Зачем они это делают?

Соблюдение правил участниками группы гарантирует каждому из них условно справедливое распределение благ. Справедливость... Вспомнилась завораживающая формула коммунизма: «От каждого по способности, каждому по потребности!». Какая жестокая жесть!

Вспомнился и любимый Кеннет Бланшар: «Нет ничего более несправедливого, чем равное отношение к неравным!». Это умозаключение может показаться слишком смелым, но правила общежития в социальных системах навевают коммунистические настроения. А дальше – довольно суровая логическая цепочка.

Системы подавляют личности людей ради своего существования. Люди в системах тем более несвободны, чем сильнее система. Получается, что коммунизм – это для систем, но против человека. Система и личность – враги. Чем менее развита личность, тем больше нравится и подходит коммунизм.

Если вспомнить изначальное значение термина «пролетарий», для которого Карл Маркс придумал светлое будущее коммунизма, то это может шокировать. Пролетарии – это содержанцы государства, живущие за счет госбюджета, который, как известно, складывается из налоговых поборов с работающих и зарабатывающих граждан. У пролетариата была только одна обязанность – воспроизводить потомство таких же пролетариев. Таков коммунизм. А что же карьеристы?

А карьеристы – это жгучие, как перец «чили», антикоммунисты. Карьеристы не просто плевать хотели на правила, они нарушают правила, чтобы те были нарушены, а системы – авторы правил – были разрушены. Карьеристы разрушают основу социальных систем – убожественно справедливое, оскорбительно равноправное распределение общих благ.

Карьеристы почти свободны. Как минимум, они свободны от диктата правил поведения и от потребности быть членом группы. Вот только... Так ли свободны карьеристы от членства?

Вовсе не свободны. А где же они, скажите на милость, будут нарушать правила? С кем они будут меряться статусами, если шкала статусов намертво привязана к сообществу? Где взять соперников для соревнования и состязательный драйв? Свободны-то они свободны – карьеристы – да только вовсе это не свобода, если ими уверенно правит, хоть и высшая социальная, но потребность. А раз правит потребность, а не личность, значит, она еще слаба.

Зависимость от высшей социальной потребности – карьеры – соизмерима с самыми сильными зависимостями – алкогольной и наркотической. Зависимость карьеристов от карьеры довольно точно описывается словом «одержимость». Как бесами. Это обстоятельство усиливает опасность карьеристов для организации. В чем опасность карьеристов?

Сочетание всех этих обстоятельств, окружающих карьеристов и звенящих сильной нотой в их сердцах, дает, что называется, «гремучую смесь», то есть, придает карьеристам огромной силы разрушительный потенциал. Убить соперника по карьере, чтобы занять его место? Запросто! Вырасти в организации, предать ее, переходя к конкурентам только потому, что там можно взобраться повыше по лестнице статусов и обанкротить родину, как нового конкурента? Легко! Очень отдает шекспировским «Гамлетом»... Что же с ними делать, с карьеристами, чтобы уберечь от этой склянки с нитроглицерином организации и людей?

В обычном мире (теперь их два) Степан Андреевич готовил операцию устрашения карьеристов. Как только рабочие покинули рабочие места, он направился в гальванический цех с необычным попугайчиком – нес подмышкой довольно тяжелый пластиковый манекен, предназначенный для отработки искусственного дыхания и непрямого массажа сердца. Манекен в натуральную величину, с розовой кожей пластика и шарнирами суставов.

В гальваническом цехе Степан Андреевич одел манекен в рабочую спецовку, поставил его возле ванны с электролитом, согнул в поясничном шарнире и окунул с головой в раствор. Руки остались плавать на поверхности. Спецовка задымилась химической реакцией, окрашивая ткань в жуткие цвета кислотного ожога.

На следующий день с утра, но в другом, светящемся мире, Степан Андреевич терпеливо ждал в гальваническом цеху его начальника, который, как и все карьеристы, приходил на работу раньше рабочих.

Скрипнула и открылась дверь. В цех вошел начальник цеха. Его взору открылась ужасная картина – рабочий упал в ванну с электролитом, его ударило током, он умер и обуглился. Красный нимб вокруг головы начальника цеха пошел сполохами.

Начальник цеха побледнел и был близок к обмороку. Но он все же нашел в себе силы для того, чтобы взять себя в руки и действовать, как настоящий карьерист, обнажая взору незаметного наблюдателя Степана Андреевича неприглядные грани карьеризма.

Начальник цеха позвонил завпроизводством Карташову, который, как еще более крутой карьерист, уже давно был на работе.

– Кирилл! – голос начальника цеха срывался. – У нас чепе! Рабочий упал в ванну с электролитом и сгорел.

Буквально через минуту в цех ворвался Карташов и замер на входе, бледнея от увиденного. Нимб завпроизводством замерцал северным сиянием.

– Ничего не трогал? – Карташов овладел собой.

– Нет, конечно! Чтобы не затоптать следы и не затереть отпечатки пальцев. Нужно ведь в полицию позвонить...

– Му... Дурак! – с раздражением, сквозь зубы, вероятно подавляя рвотные позывы, процедил завпроизводством, – какая полиция?! Найди большие пластиковые мешки, как для мусора. Мы его потихоньку вывезем. Лицо и руки наверняка сгорели, значит, его не опознают, если найдут...

Начальник цеха яростно замотал головой:

– Нет! Так нельзя! Это не по человечески!

– Ты в своем уме?! Ты хоть понимаешь, что это конец всему? Ты же сдашь меня, что это я велел увеличить напряжение и концентрацию электролита. Нет! Я повяжу тебя... кровью! – завпроизводством Кирилл Карташов был красив, решителен и жесток. Красный нимб пульсировал.

– Пойдем, посмотрим на его лицо, – приказал Карташов, схватил за рукав начальника цеха и потащил его за собой к ванне с «трупом». И тут...

«Труп» ожил. Он поднялся из ванной. С него стекал электролит. Не спеша, неуклюже, как зомби, он повернулся и двинулся, дергаясь, навстречу горе-карьеристам. Невидимый Степан Андреевич управлял манекеном, как марионеткой.

Хлоп! Хлоп! Сразу два обморока. Степан Андреевич осторожно, чтобы не обжечься, положил манекен на пол и оценил содеянное. Вокруг голов лежащих на полу слабо мерцали красноватые нимбы. Живы!

Степан Андреевич упаковал манекен в полиэтиленовый мешок и вынес его из цеха. Вернувшись, он вытер с пола электролит тряпкой с нейтрализующим раствором, убрал ее в другой мешок, вышел, поднял мешок с манекеном и отнес все это в свой кабинет.

Инженер по технике безопасности с усилием подавил в себе желание понаблюдать пробуждение завпроизводством и начальника гальванического цеха после обморока. Дело сделано. Теперь карьеристы поутихнут. Главное – пережить опасный предновогодний период.

До нового года остается все меньше и меньше дней.

Глава 10-я, в которой за тайной автомобильных пробок скрывается тайна пресловутого духа коллектива и главный герой узнает о силе коллективного духа

Выживание за счет потенциала социальной системы дорого достается человеку. Казалось бы, ну, что здесь особенного – вступил в группу, поступил на работу, принял гражданство, и получишь свою долю при общественном распределении материальных благ и безопасности. За все это приходится платить своей собственной свободой. Делать то, что не хочется, не делать то, что хочется, и довольствоваться узкими рамками свобод. Но это только цветочки. Платить приходится гораздо дороже. Чем?

Энергией. Жизненной силой. Жизнью.

Московская Кольцевая АвтоДорога. Пробки. Кажется, что они возникают сами по себе, без какой-либо объективной причины. И это действительно так. МКАД – это большая система, состоящая из водителей автомобилей. Это только кажется, что каждый водитель изолирован в своем автомобиле. Каждый держит дистанцию с впереди едущей машиной, то тормозя, то ускоряясь. Подает сигналы фонариками поворотов и переезжает в соседний ряд. Чертыхается, если кто-то из соседей затупил. Матерится, если кто-то подрезал.

«Участники дорожного движения» – это не автомобили, а люди. Они связаны между собой дорогой, влияют друг на друга, значит, образуют обычную социальную систему, которая живет по своим правилам – законам систем. Главный закон систем – закон самосохранения – заставляет системы делать все, чтобы продолжить жить и жить все жизненное. Все, что для этого нужно – увеличивать число участников и число связей между ними. Это подчиненный закону самосохранения закон роста и развития систем.

Социальная система «МКАД» стремится сделать так, чтобы людей – не только водителей, но и пассажиров – было вовлечено в нее как можно больше. Для этого очень хорошо подходят пробки – дистанции сокращаются, водители и пассажиры вовлекаются в информационный обмен. Система на глазах оживает и оживляется, чувствует себя хорошо, как может чувствовать себя человек, разогнавший кровь по жилам после сна.

Ради этого и нужны пробки МКАДу. Однако кто же и как это делает – создает пробки. Если расспросить водителей, ставших участниками дорожно-транспортных происшествий, по причине чего и возникают пробки на московской кольцевой, то они не смогут ответить ничего вразумительного и будут мычать и материться. Приходя в себя после рюмки-другой на кухне, они будут говорить странные вещи, что, дескать, будто кто-то толкнул под руку, нашептал на ухо или что-то померещилось, и чтобы избежать столкновения...

Настала пора рассказать правду о социальных системах. Это не просто живые существа. Это живые существа с примитивным системным духом, подобным тому, который управляет, например, муравейником. О природе духа, как и о природе личности, толком ничего не известно – дух нематериален, но существует и управляет.

Не сразу, но все же, люди, не все, но некоторые, стали догадываться об одной необычной особенности – дух системы не должен схлопнуться, исчезнуть, перестать существовать, но должен становиться все сильнее. Зависит это от того, как много участников соединено в систему, и насколько они связаны между собой. Для этого дух управляет системой, породившей его, так, чтобы элементов и связей становилось все больше.

Системе из людей, едущих по МКАД, нужно вовлекать все больше участников и провоцировать их на все больший обмен информацией. Дух для этого возьмет, да и подтолкнет кого-нибудь из водителей под руку, чтобы тот задел своим автомобилем машину другого водителя.

Два транспортных средства встали на дороге, начинает вырастать пробка. Дух радуется – ему хорошо.

Водители и пассажиры начинают злиться, в воздухе пахнет адреналином. Все заражаются злостью и агрессией. К бранным словам и крепким выражениям добавляются жесты, невербалика гримас и... запахи. Неспроста дух, воздух, душистый – слова одного корня. В воздухе пахнет грозой. Сразу столько обмена информацией, столько связей, столько жизни духа системы. Он радуется, и продлевает радость, создавая все больше аварий и все более длинные пробки.

Примечательно, что большого числа связей дух системы мог бы добиться и на фоне положительных эмоций – в воздухе запахло бы эндорфинами, люди в пробке пели бы и приплясывали, посылали бы другим водителям и пассажирам воздушные поцелуи, участники аварий обнимались бы и целовались, но... Гораздо большую жатву для себя дух МКАД собирает именно на негативных эмоциях. Уж больно они сильны и энергичны.

Кстати, об энергии. Есть и другие версии о причинах, по которым дух собирает пробки – он питается, насыщается, лакомится энергией, производимой людьми в минуты раздражения, злости и ярости. Об этом писал замечательный физик и маг Зеланд.

Степан Андреевич вновь прошел на новые территории – в светящийся вариант Московской фабрики елочных игрушек. Именно свечение стало предметом его интереса. Личности светятся – это ему было понятно, но почему светятся комнаты и коридор – пространство? У Степана Андреевича была версия, которую он шел проверить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.